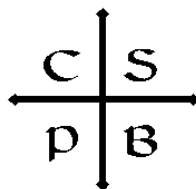

В П Д У К П Н Д

КОДЕКС МЕЧА

АРТУР БААДЕР

Это художественное произведение. Названия, символы, места и события являются продуктом воображения автора или использованы фиктивно и не должны рассматриваться как реальные. Любые сходства с реальными происшествиями, регионами, организация, или людьми, живыми или мертвыми, совершенно случайны.

This is a work of fiction. Names, characters, places, and incidents are products of the author's imagination or are used fictitiously and are not to be considered as real. Any resemblance to actual events, locales, organizations, or persons, living or death, is entirely coincidental.

TheMagicRider
An Imprint of TheMagicRiderPublishers
239 West 14th Street
New York, New York 10011

Copyright © by Artur Balder

All rights reserved for the whole world. No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission, except in the case of brief quotations embodied in critical articles and reviews. For informations address TMRPublishers, an imprint of The Magic Rider SL, Spain, and Meatpacking Productions LLC, United States of America.

Originally published in the United States by TheMagicRider and in Spain by Edhasa.

First Edhasa hardcover printing: November 2010

TheMagicRider and TMRPublishers are trademarks of The Magic Rider SL and Meatpacking Productions LLC

Printed in the United States of America

Visit TheMagicRider on the World Wide Web at www.tmr-grupo.com

Registered by National Creative Registry, Inc.
All rights reserved.
Registered by the Writers Guild of America (WGAE).

Посвящается Maaike Vanderweeën

*И видел я в деснице
у Сидящего на престоле книгу,
написанную внутри и отвне,
запечатанную семью печатями.
И видел я Ангела сильного,
провозглашающего громким голосом:
кто достоин раскрыть
сию книгу и снять печати ее?
И никто не мог, ни на небе,
ни на земле, ни под землею,
раскрыть сию книгу,
ни посмотреть в нее.
И я много плакал о том,
что никого не нашлось достойного
раскрыть и читать сию книгу,
и даже посмотреть в нее.*

*Апокалипсис,
5-ое Откровение*

Примечание

Последующие путаные переводы латинской рукописи Ангуса из Меца описывают древние события, которые произошли осенью того периода Раннего Средневековья, который британские историки называют Темными Веками. Это стало откровением, которое я не буду разглашать по просьбе тех, кто позволил мне прочитать микроплёнку с древним текстом.

Действительно, события, описанные скромным монахом из Ордена Бенедиктинцев, происходили в тумане VIII столетия. Ангус из Меца присоединился к экспедиции, цель которой была евангелизация языческих районов Северной Европы по завету Св. Бонифация. Об этом времени мало что известно по причине отсутствия исторических документов. Поэтому эти крохи имеют особое очарование для читателей нашего столетия.

Для Европы это было тем Ранним Средневековьем, когда Каролингская династия, сформировавшая христианскую и германскую империю, решила объединить светскую и церковную власти. Однако, чтобы достигнуть *harmonia mundi*, когда идеальное место на

земле является отражением гармонии небесных сфер, империя должна была выстоять перед угрозой язычников и пришествием Антихриста (чье прибытие ожидалось в страшном 1000 году). И требовалось не только преодолеть противостояние языческих народов севера и востока, но также осуществить их глубинное обращение в христианство. Это привело к Саксонским Войнам (среди многих других конфронтаций), которые длились более тридцати лет на северной границе Австразии, преисполненным жестокостями, учиненными этому невежественному, но непокорному народу.

Уникальная по своим подробностям история Ангуса является наследством, спорным в глазах некоторых ученых, но в тоже время интересным многим читателям, увлекающимся историческими приключениями и средневековой литературой. Ангус из Меца заявляет, что имеет самое непосредственное знание описываемых событий. Он присутствовал на обеих фронтах религиозной границы, которая мучительно разделила Европу и превратила землю в пастбище голода и войны, где, после многократных изгнаний, саксы наконец запели в унисон с остальной частью империи христианское Credo in Unum Deum...

Переводчик

Кодекс Меча

RES GESTAE SAXONICAE

CODEX PRIMUS

Пролог

Да простит меня Бог за неисполнение столь многих из Его священных предписаний, посвящающего отпущенное мне время этим воспоминаниям, но в своих скромных строфах я повествую о произошедшем и предостерегаю других. Возможно книги мои будут запрещены Божественным Провидением, поскольку я более внимал *его* голосу, чем посвящал, как преданный монах, все свои мысли *Verbum Verum*, которое есть Бог. Я презирал изменчивую судьбу, утраты, которыми Провидение терзало меня, но лишь в конце своей греховной жизни я осознал истинную ценность той доли, которую Бог возлагает на нас. Это и есть то самое видение, сколь бы необычным не казалось оно в момент откровения, которое вело нежное перо в моей руке до последней страницы манускрипта...

Владелец того голоса давно перестал внимать кому-либо в своем беспамятстве, но есть и такие, которые продолжают следовать *его* слову в пределах и за пределами объединенного Каролингского Королевства. Я, пожалуй, пока не буду называть *его* имени, поскольку это считается плохим предзнаменованием для начала хорошего

сочинения (правилам которого я стараюсь следовать, сознавая свое собственное косноязычие и неискушенность в сем мастерстве, и которое усовершенствовали другие при помощи темных каденций в предшествующие века с начала времен, когда было только Слово и Слово было Богом), *его* проповеди были почитаемы среди язычников настолько, что отцы церкви требовали отлучения, обвиняя *его* в вероотступническом симонизме и самонадеянной ереси. *Его* называли посланцем Сатаны, состоящем в секретной сделке с Адом, что только подпитывало *его* тайный, с великой силой устремленный ко злу, замысел.

Однако, благословленный общением с *ним*, даже если оно может обременить мою душу в преддвериях смерти, я мог бы воссоздать, мгновение за мгновением, всю сложную сеть воспоминаний, в которой многие нити были или утрачены или прерваны, ускользая из моей памяти и усложняя фабулу. По этой причине (хотя и не единственной!) участник и рассказчик данной истории меняется на протяжении трех частей этого пергамента, который ты, добрый читатель, держишь в своих руках. Три части – это Часослов, *Folia* и разрозненные *Libri*. Все они описывают случившееся после последнего посольства в течение третьей четверти VIII столетия, чтобы затем вновь вернуться в конец Часослова, доверяя Божьей милости ниспослать дыхание искупления на те ужасающие события, описываемые в этом

тройном повествовании, с которым вы, опрометчивый читатель, скоро познакомитесь. Должен предупредить, мой неизвестный друг, об одной опасности, которая здесь таится, и считаю своим долгом отговорить вас от дальнейшего прочтения в случае, если ваша христианская вера не достаточно крепка, – такова глубина той захватывающей ереси, которая здесь описывается.

В те годы под властью *того, чей* голос я вспоминаю, но *чье* имя я предаю забвению, я стал учителем ангела тьмы, называемого Видукиндом. Я был учеником ереси, которая господствовала надо мной и моим слабым духом; хотя это и не умаляет моего греха. Перед тем, задолго до предательств и убийств, привязанностей и разочарований, задолго до великой войны, которую я опишу в хронологическом порядке, миг за мигом, задолго до того, как в отдаленном краю незнакомого мира был воздвигнут храм ереси из камня и пота бесчисленных рабов... задолго до всех этих превратностей, жило девять человек – семь пилигримов и три миссионера. Подобным же образом, задолго до превращения в кровавого мятежника, Видукинд был ребенком и я был его учителем, во славу одних и на горе многим другим. Когда то посольство собиралось в дорогу, я и не подозревал, что нечто подобное было возможно. По мере того как оно уходило во тьму, все мы веровали, что наша миссия была ни чем иным как молитвой

Высшей Силы, устремленной в изгнание через языческий мир, над разделяющими морями и разносящими зловещие грубые наречия ветрами, обреченная умереть столкнувшись с мелодией Божественного Мира, и слова этой молитвы были усердно запечатлены монахами в библиотеках наших монастырей.

Как раз перед отправлением прошел слух, касательно некоего знаменитого Меча, помышление о котором превосходило наши земные представления, ибо он был подобен реликвии, добытой с вершины самого Гиперунаниума. Уникальный в высшей степени, он дал форму тем матрицам, из которых выходили обычные, несовершенные и нечестивые копии, выплавленные кузнецами земли. То были примеры множественности преходящего мира, единственны же были идеи в небе совершенства, созданные Его рукой. Таков был этот Меч – Меч Всемогущего. Так было мне сказано, когда я принял предложение своего ментора. Девять монахов сопровождали нас, укорененных в воле Бога. Семь пилигримов были в пути в ожидании Божественного Света. В Риме три миссионера были поражены милостью, которая освящает приходящих в те храмы, им удалось подержать в руках Меч Всемогущего, истинный, невидимый, но горящий, поражающий змею сладострастия и расплавляющий сталь невежества в умах людей, ибо он полон огня.

Но замри, язык, и пребудь скрепленным, пока ты еще не запутал все дело окончательно! События эти и так достаточно озадачивающи и беспокойны, и я не желаю терять читателя в этом море знаков, которым является моя память.

Так сложно, после стольких лет, доверять своим и чужим воспоминаниям, которые я заимствую, дабы восполнить историю. Я ощущаю стыд и бесчестие по поводу многих проступков, столь неискренних в глазах целомудрия, что я почти утоплен и изношен в изменчивых приливах того бушующего океана, известного как Провидение. Однако, вот как все произошло: будучи новичком, предназначенным только Богу, согласно бенедиктинскому уставу монастыря в Меце, я перестал быть таковым на долгое время, в течение которого я ни разу не отказался от веры, питающей огонь моей ранней молодости; я не соблюдал обычаи, ритуалы и обязанности, предписанные пути добродетели, которым мне надлежало следовать, и который может стать тернистым как для большинства смертных. Это является защитой против искушающего присутствия Сатаны, который при помощи множества уловок все превращает во зло. Поэтому, в Libri, во второй части Res Gestae, главный герой меняется: я объявляю отвратительным и чуждым моему истинному призванию тот образ жизни, которому я был принужден следовать. Только благодаря перемене этих голосов, я чувствую некое облегчение исповедуя свои грехи.

Это случилось в Северных Землях, с таким трудом отвоеванных франками и их священным императором Карлом Великим, в которых я был свидетелем их проповедей, состоящих не из священных стихов, но ереси, могущей скорее вызвать роковые последствия, нежели содействовать смягчению нравов тех животных, которые были еще далеки от длани Божьей. Сейчас я преостановлю свою руку, дабы не написать об этом ничего сверх. Я ничего не напишу о храме, или о еретическом евангелии, на которое я ссылаюсь, – книги теней, которая стала причиной кровавой войны, вдохновляемой голосом еретика.

Однако я напишу, с целью воскресить для читателя бурные события тех десятилетий, о том, что благочестивый Папа Стефан III, преемник великого Павла I, в третьей четверти столетия подписал соглашение между Церковью и германским принцем Пипином Коротким, отцом Карла Великого и Карломана. Они защитили Рим от угрозы нападения алчных ломбардов и нечестивых греков, чья Восточная империя возглавила страшное иконоборчество. Такая же ужасающая еретическая проказа угрожала и нашей духовной чистоте на западе. Как уверенно эта стойкая схизма прошествовала к фонтанам Рима и чудесам Италии, затаенная среди раскольнических сект, провозглашающих иконоборческие бредни неизбежными, и как упорно стремились они разрушить образы истинного христианства на западе от берегов Дуная до Рейна, и дальше, в монастырях

Уэссекса, Шотландии и Гибернии. Благочестивый Папа осудил те направления как еретические, взяв в плен нарушителей, многие из которых вышли из-под покровов того злодейского святотатства, бесчестные лгуны и похитители святынь, называющие себя детьми церкви на востоке.

Так же нужно иметь в виду, что германские принцы были возведены на престол волей Пипина Короткого, главой Королевства Франков, так что в период смутного времени два его сына были назначены претендентами на наследование династии. Рим принял последнее завещание Пипина Короткого, пока победитель не объявился в качестве избранника и защитника христианства, возведенный в ранг императора франков. Но все это произошло намного позже.

В то время я был новичком и не знал ни моего отца, ни матери. Как мне было рассказано, одним холодным утром вдоль дороги, ведущей к воротам монастыря в Меце, я новорожденный был подобран помощником монастырского келаря. Возможно, меня оставила там моя бедная мать, чью грешную душу я все-таки прощаю, поскольку не имею представления о трудностях, которые толкнули ее на это. Я был принят в монастырь и взят под его крыло, и крещен благородным именем, которое позже подпишет этот манускрипт. Я нашел в изображении Девы Марии самую прекрасную из всех матерей, ибо она и есть мать матерей и ее любовь, хотя и безмолвная,

разговаривала со мной и ласкала меня на протяжении моего детства в Меце.

Там я был посвящен в духовный сан и сочтен подходящим для созерцательной жизни, поскольку моя склонность к одиночеству, моя любовь к вере, мои клятвы, и моя ненасытная потребность приблизиться ко Всемогущему при помощи обучения, были возлюблены монахами. Я стал помощником Бернарда Мортрандского, ученого, который заведовал монастырской библиотекой, и вскоре научился понимать кодовые шифры, греческий алфавит и даже один арабский. То были всего лишь знаки знаков, образы образов, с которыми я игрался в своем уме каждую ночь, перефразируя их тысячами способов, ибо они были моими игрушками. Однако, в возрасте шестнадцати лет, у меня было такое влечение к знанию, что оно пробудило страх в моем учителе, а так же и в других, кто справедливо чувствовал, что мой пыл становился нездоровым пристрастием. Тогда они решили успокоить меня при помощи другой полезной для католической церкви, моей единственной матери, деятельности, дабы отвадить похоть и жажду к знаниям. Мне было запрещено читать в библиотеках и я, в качестве клерка, стал сопровождать Бернарда при исполнении миссии, которая увела нас на север, к новым аббатствам. Наконец, я был случайно проэкзаменован в Кельне несколькими братьями, которые наделили меня честью участия в одной экспедиции, великой для них важности. То, что в библиотеке Меца было

сочтено нездоровым, в сердце экспедиции было сочтено добродетельным и одобрено. Вот пример того, как Всемогущий способствовал своим слугам.

Это предприятие предписывало не только наиболее преданным братьям бороться с невежеством и основывать новые аббатства, но также нуждалось в таких профессиях как кузнецы, доктора, слуги, кающиеся, а так же хорошие писцы и книжники. В то время, как Рим освободился от иконоборцев с востока, будучи все более раздираем собственными интригами, Папа, ища здравый смысл в своих самых радикальных решениях, благословил экспедицию на север Европы, дабы проповедовать христианство кочующим дикарям и языческим племенам. Они были описаны нам как остатки некоего народа, который жил на севере, о котором мало что известно, но от которого ожидалось темные Сатанинские козни и смятение на земле. Их считали большой угрозой самим корням христианской веры, которая была посеяна руками таких приверженцев, как Бонифаций, Апостол Германцев, в те времена, когда они прослеживали границы новых аббатств под контролем Франции и перекраивали карту территорий Тюрингии, Баварии, Кельна, и новых процветающих епархий, подчиненных Архиепископу Кельнскому, под безоговорочной защитой принцев и королей Франкских.

По разным причинам, среди которых наиважнейшей была жажда свободы в среде Саксонцев, в течение следующих лет

произошло множество восстаний под предводительством темного ангела, которого я уже упомянул. Я стал (тут я предпочту повторение невнятного изложения) его наставником. Имя мальчика было Видукинд, на наречии северных теней и языческого варварства, *kenning* – нечто подобное *волку* или даже *смерти* на нашем франкском языке. Я, не желая и не предвидя никаких опасностей, тем не менее оставляю несколько замечаний по поводу этого события, столь важного в понимании кровавых войн между Шарлеманем и Саксонцами. Это была война самых передовых идей, но за ними находился еретик, а за ним – та проклятая книга, которую он непосредственно называл Пятым Евангелием.

Под командованием Видукинда были выполнены мстительные набеги, наносящие серьезные ущербы христианству – которые я описываю в последующих Libri – на той же территории, где Саксы немилосердно пытались уничтожить наши христианские символы всеми насильственными способами. То же самое сотворили они и в северной области Франкского Королевства, где они жгли дотла храмы и убивали монахов. Несмотря на вышеупомянутое, после победы Шарлеманя, в последней четверти VIII столетия, франкские вожди были в состоянии возобновить священную работу евангелизации. Чтобы воскресить для читателя эти и другие события древности (если какая-нибудь рукопись

переживет прибытие Антихриста, чье время приближается!), я могу уверить вас, что посланники достигли значительных успехов во времена моей ранней юности вплоть до того несчастного года, пронумерованного 782. Хотя остальное вполне известно, поскольку является частью триумфальной истории франкского императора, все это случилось много позже той точки во времени и пространстве, откуда растут длинные корни моей памяти.

Неискушенным новичком я путешествовал с моим учителем по мере того, как он писал, из кельи моего ордена в Мецах к богатым землям самой могущественной метрополии королевства, следуя по великому Рейну – реке, которая некогда, согласно Тациту, была Римско-Германской границей, к вершинам высоких дворцов, которые франки возвели на твердыне Кельна на останках еще более древней империи, несколько веков назад уничтоженной по Божьей воле за ущерб, нанесенный Его избраннику. Я содрогнулся под облачными тенями, что гнездятся, сверкая, на вершинах холмов. Я видел лица людей из языческих земель, саксов и датчан, и замечал дикую силу в их глазах. Они почитали темных богов, за чьими переменчивыми лицами просматривалось мерзкое животное, которое мы называем Антихристом. Они жили погруженные в древние времена, посвящая всю свою веру твердыне и мраку. Посольство, для которого меня избрал Эбо из Кельна, владеющий правом крещения во имя *Caput Mundi*, только собиралось искупить невежество

северных народов. Это являлось, как было сказано, еще одним звеном в длинной цепи разорванных звеньев, еще одной ступенью долгой и зубчатой каменной лестницы, к которой упрямый Бенедикт добавлял новую ступень каждые два года после мученичества Бонифациуса, несмотря на продолжительные и непоправимые потери, сожженные церкви, разрушенные стены, и погубленные жизни.

Моя вера была велика и мое вдохновение, хотя и не божественное, было стойко. Я хотел участвовать, несмотря на серьезный риск, в бенедиктинском посольстве. Невзирая на то, что немногие проповедники вернулись назад из их евангелистских миссий в это зловещее сердце мрака, я решил наконец присоединиться к ним. Я был подвигнут моей верой в человечество и моей надеждой на его улучшение. Я хотел обнаружить новые истины, те истины, познание которых некоторые сравнивают с дерзостью. Однако, завоевание земли, скрытое под тенью идеи, столь возвышенной и великой, находящейся вне понимания простого смертного, было подвластно исполнить не юности и страсти, как мы скоро узнаем, а той грубой силой, которая, по словам моего учителя, исходит от Меча Господа.

Я попрощался после обеда, когда листья опадали с деревьев, и видел, как Бернард, также грустен из-за нашего расставания, верхом на муле поехал в Аквитанию, на свою родину; прошли годы прежде чем мы снова увидели друг друга. Однако я был предназначен для другой цели, ибо воля человека слаба и

ошибочна, и кажется, что он совершает выбор, но на деле является избранным. На следующее утро экспедиция тронулась, пересекла длинный мост, и я пошел с ними. Звезды все еще блеснули в рассветном небе. Темный Рейн был покоен, его водовороты и пики, казалось, говорили до свидания нам, отмеченным волнением неведомого характера. Я крестился и наблюдал туман, который закрывал просмотр над лесистыми холмами плотной листвы. Компания вошла в лес, туманный мир, в котором мы, посланники Бога, должны были походить на точные лучи света, без страха ищущие Сердце Мрака.

Теперь, годы спустя и лишь в шаге от смерти, я хотел бы остановить время и – один за другим освещая изображения в этой Книге Часов, чтобы другие также могли видеть образы и слышать голоса, заключенные внутри – живописать все с нежным очарованием, которое приходит с пониманием этого своенравного умирающего мира... Когда Избранный, подобный шерсти, слоновой кости и чистому бериллу, поднимет свои руки, молнию и острый серп, и зов его будет слышан через небеса, и Четверо из них отправятся вместе, чтобы сокрушить все прочее... Когда их копыта, как пылающая бронза, обожгут небеса, пронзят облака и разомкнут цепи... Когда вы все услышите громкую трубу и в последнем бреду чувств, подобном тому, в котором я прозревал истину в детстве, всемогущий голос

вновь призовет меня: “Все, что тебе пришлось
пережить, запиши в Моей книге!”

Да восславится Господь отныне и вовек...

Ангус из Меца
circa A. D. 800